

Глава 12. Чужеземцы

Стоило Ли Мэну уйти, как Чжао Лои приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Он хотел сказать ученику, чтобы тот завтра после полудня забрал готовую одежду, но сколько ни звал — никто так и не откликнулся. Слегка озадаченный, он вернулся к себе, выпил пару чашек холодного чая и зажёг масляную лампу.

Развязав дорожный узел, он достал карту-свиток из узорчатого шёлка и бережно расстелил её на столе.

Старая, выдавшая виды вещь, которую он никогда не выпускал из рук. Пожелтевший шёлк пестрел древней вязью иероглифов, обозначавших горные хребты и речные русла. В тот день, не желая привлекать внимание Хо Ляньюня, Чжао Лои спрятал свиток под камнем, но уже ночью забрал обратно.

Слова «Свиток Сотни Оружий» он вышил собственноручно. Если приглядеться, стежки заметно отличались от древних знаков на шёлке.

Разглядывая очертания уездов и сопоставляя их с картами, которые видел во время прошлых заданий, Чжао Лои догадывался, что на свитке запечатлены южные рубежи империи.

Там, на самом юге, недавно подняло бунтарское знамя самопровозглашённое царство Наньмэй — край непроходимых болот, омываемый рекой Мэйшуй. Большой своей частью Мэйшуй несла воды по землям Наньмэй, и лишь её низовья мелкими притоками вдавались в юго-западные границы Цинь.

Чжао Лои долго всматривался в карту, ни о чём конкретном не думая. Он с щемящей, невыразимой тоской скользил пальцами по пожелтевшему шёлку.

Он поднялся, взял трубку для курения и лоскут тёмной ткани, которой обычно чистил её. Его движения были медленными, тягучими. Он позволял безмолвному сумраку ночи и глухой тоске поглотить себя.

Чжао Лои не раз с горькой усмешкой думал: не останься ему от матери этот таинственный свиток, разгадку которого он так и не нашёл, он давно бы уже сгинул где-нибудь в глуши или на заброшенной речной лодке. И гнил бы там, пока случайный путник не наткнулся бы на смрадный труп.

Он скользнул взглядом по шёлку карты, трубке, тусклому огоньку лампы, по въевшимся тёмным пятнам на старом столе и остановился на лежавшем рядом Мече Безрассудства.

Чжао Лои с тоской подумал:

"Я обзавёлся учеником. Теперь и помереть спокойно не дадут"

На душе стало совсем скверно, и он принялся тереть трубку с таким усердием, что металл заблестел как зеркало.

Громкое прихлёбывание старика в тишине комнаты резало слух.

При виде застывших вокруг людей в чёрном Ли Мэн невольно вспоминал того несчастного, у которого из всех отверстий на лице вдруг полезли мерзкие твари. Казалось, эти молчаливые фигуры тоже могут в любую секунду зайтись в истошном крике, пока из их ушей и ноздрей будут лезть шевелящиеся личинки.

Ли Мэн старался смотреть только на потолок. Там, в ярком свете ламп, отчётливо виднелась паутина — можно было разглядеть даже то, как затаившийся в углу паук тянет свою липкую нить.

Сяо Чанчу держалась со стариком подчёркнуто вежливо. Но когда тот попросил ещё пиалу, извиняясь за беспокойство, Ли Мэн уловил за её вкрадчивым тоном едва скрываемое пренебрежение.

— Став старым, я быстро утомляюсь, — проскрипел старик. — Как приходится развязать язык, так сразу горло сохнет. Дева Сяо ведь не станет сердиться на старика?

С ракурса Ли Мэна метаморфоза была очевидной: обращаясь к старику, Сяо Чанчу кротко улыбалась, но стоило ей отвернуться в полумрак, как на лице проступало глухое раздражение.

Она почтительно поднесла ему чай:

— Мы все во многом обязаны вам, старейшина. С чего бы мне сердиться?

Старик Сунь сухо и надтреснуто рассмеялся. Ли Мэн поморщился от этого звука. Как только они вошли во двор, он заприметил в руках Сяо Чанчу бамбуковый свисток, но дева лишь сухо обронила, что Старик Сунь хочет с ним побеседовать. С тех пор как парень тайком покинул управу, прошло уже около получаса. Он безумно боялся, что Чжао Лои заметит его отсутствие, и то и дело порывался взглянуть на дверь.

— Подойди, — утолив жажду, Старик Сунь поставил чашку и поманил Ли Мэна пальцем.

Его ладонь, высохшая и потемневшая от времени, напомнила парню сморщенные табачные листья, которые так любил Чжао Лои.

Ли Мэн медлил.

Старик настойчиво повторил жест.

Поняв, что уклониться не удастся, юноша нехотя сделал несколько шагов и остановился перед ним.

— А-а-а-а-а!!! — вдруг раздался истошный вопль, вырвавшийся из самых глубин лёгких.

Сяо Чанчу поморщилась и крепче сжала Плеть Погибели Души.

Люди в чёрном даже не шелохнулись, замерев безмолвными изваяниями.

Старик Сунь осклабился, отчего его лицо собралось в складки, став похожим на увядшую чёрную хризантему.

Он сжал запястье Ли Мэна ледяными шершавыми пальцами. Если старик и пытался изобразить на лице ободрение, вышло это по-настоящему жутко. Выкрикнув всё, что было в лёгких, Ли Мэн застыл, не смея пошевелиться: боковым зрением он уже видел, как Сяо Чанчу поглаживает рукоять плети.

— Дедушка... вы чего это высматриваете? — заикаясь от страха, спросил Ли Мэн.

— Повернись спиной, — хрипло и прерывисто проговорил старик. Казалось, каждое слово даётся ему с великим трудом, и после каждой фразы он долго сипел, прежде чем продолжить: — Пусть для боевых искусств ты... не годишься... но для нового вместилища... плоть твоя в самый раз.

От этих бессвязных речей по спине Ли Мэна побежали ледяные мурашки. Старик наклонился, сился приподнять подол его халата, но парень в ужасе отпрянул, намертво прижав ткань к ногам.

Старик Сунь не стал настаивать.

Однако Ли Мэн успел разглядеть его уродливое ложе: калека полулежал в кресле на колёсах из чёрного дерева, облачённый в шёлковый чёрный жилет. Всё, что было ниже пояса, отсутствовало — там зияла леденящая душу пустота.

— Уважаемый, дела молодого генерала ещё не завершены. Даже если вы спешите, знайте меру, — холодно вмешалась Сяо Чанчу.

Старик Сунь лишь прищурился в ухмылке, но Ли Мэну этот оскал показался страшнее любого гнева. Кожа на лице калеки походила на растрескавшуюся кору, и при улыбке эти борозды становились глубже.

— Ладно, ладно. Не стану мешать вашим важным делам. Но помни, девица, о своём обещании. Не забудь его.

Сяо Чанчу небрежно повела рукой. Старик развернул своё кресло и выкатился за дверь. Когда шуршание колёс снаружи окончательно затихло, Сяо Чанчу сделала знак одному из прислужников.

Тот шагнул вперёд и протянул Ли Мэну небольшую деревянную шкатулку.

Ли Мэн растерянно перевёл взгляд на Сяо Чанчу, недоумённо приподняв бровь.

— Тут снадобье, составленное Стариком Сунем, — пояснила Сяо Чанчу. — Твоя задача — ежедневно подмешивать по малости в пищу своего учителя. Большого от тебя не требуется.

— Если уж травить, почему не взять смертельный яд? — насупившись, спросил Ли Мэн, стискивая шкатулку.

— Сильные яды выдают себя резким запахом. Будь твой наставник столь беспечен, его кости давно бы сгнили в земле. Это особый порошок, растворяющий внутреннюю энергию. Он лишён вкуса и запаха. Даже если его примет обычный человек, не развивающий нэйцзинь, с ним ничего не случится.

Сяо Чанчу натянула на лицо тонкую вуаль и неторопливо пошла к дверям.

— Я знаю, что ты трус и можешь сорваться. Нашим людям нельзя подбираться слишком близко, иначе они выдадут себя. Но вместо того чтобы позволить Цюнцзи раскрыть и убрать тебя, мы решили доверить тебе самое безопасное дело. Если он поймает тебя с поличным, просто проглоти немного порошка сам, чтобы доказать свою невиновность. Я могу лишь надеяться, что Цюнцзи проявит к тебе хоть каплю милосердия.

В голосе Сяо Чанчу скользнуло сомнение. Она обернулась и заметила, как побледнел парень. В прошлый раз, когда она посадила ему гу, он тоже не сопротивлялся — плыл по течению, безропотно снося удары судьбы лишь ради того, чтобы выжить. Решив, что юноша попросту напуган жутким видом безногого старика, и помня, что он им ещё пригодится, она смягчила тон:

— Глава велел передать: как только это дело завершится, он заберёт тебя к себе.

— Глава? Какой ещё глава? — Ли Мэн упорно молчал, чувствуя глухой протест. Он и сам не

понимал, почему ему так претит мысль о предательстве Чжао Лои, но сейчас, услышав о таинственном покровителе, он вскинул голову.

Сяо Чанчу смерила его долгим, нечитаемым взглядом:

— Это связано с гибелью твоей семьи. Но время ещё не пришло. Помни: на кону слишком многое, не вздумай оступиться.

Больше она говорить не желала. Сделав знак слугам, она велела проводить Ли Мэна к задним воротам управы.

Лазать по стенам Ли Мэн умел отменно. Ему случалось преодолевать сорокафутовые стены императорского дворца, так что низкая ограда управы не доставила хлопот.

Спрыгнув на землю, он почувствовал, как бешено колотится сердце, а лицо горит огнём — сказывались отголоски призыва гу-червя бамбуковым свистком Сяо Чанчу. Времени обращать внимание на боль не было. Миновав первый внутренний двор, Ли Мэн замедлил шаг. Когда он уходил, Чжао Лои уже скрылся в своей комнате; должно быть, наставник давно спит. Главное — не нарваться на Хо Ляньюня, если тот решит вернуться. В случае чего можно соврать, будто услышал шорох в саду и пошёл проверить.

Крадучись вдоль стены, он добрался до своего крыла. Окна всех трёх смежных комнат были темны. Облегчённо выдохнув, Ли Мэн скользнул пальцами в рукав, глубже пряча деревянную шкатулку.

Но стоило ему переступить порог своей комнаты, как в нос ударил знакомый горьковатый запах табачного дыма. Сердце парня пропустило удар.

В крошечной тьме, с каждым глубоким вдохом Чжао Лои, медленно разгорался и гас багровый огонёк трубки.

— Где тебя носило? — раздался тихий голос.

Ли Мэн оцепенел. Кое-как справившись с дрожью в голосе, он выдавил:

— Показалось, в саду кто-то ходит... Ходил проверять.

— И кто там был? Кошка или мышь? — лениво осведомился Чжао Лои.

Поняв, что учитель настроен миролюбиво и не подозревает неладного, Ли Мэн немного расслабился. Тем не менее спина его была мокрой от холодного пота. От постоянного страха и вечного напряжения он уже едва соображал. Кое-как добравшись до стола, он спросил:

— Почему вы сидите в темноте, наставник?

— Да что мне тут разглядывать в одиночестве? Ждал, пока ты вернёшься, чтобы лечь спать. Лампу жечь незачем, — Чжао Лои поднялся со стула.

Скрипнула дверь, раздались удаляющиеся шаги. Ли Мэн ещё долго лежал пластом, боясь пошевелиться. Лишь когда во дворе всё окончательно стихло, он без сил рухнул на кровать. В комнату проникал сырой ночной холод. Парень прикрыл глаза рукой. В левом боку всё ещё ныло от судорог, а перед глазами безумным хороводом кружились то свистящая плеть Сяо Чанчу, то сморщенное лицо Старика Суня.

Ли Мэн и сам не заметил, как провалился в беспамятство. На следующее утро его разбудил весёлый гомон. Распахнув дверь, он увидел, что весь двор наводнён слугами: девчонки и парни с хохотом развешивали на карнизах ярко-красные праздничные фонари.

Заглянув в соседние комнаты, он обнаружил, что ни Чжао Лои, ни Хо Ляньюня там нет. Набрав себе полную пиалу каши, Ли Мэн примостился на крыльце.

Юная служанка, только что закрепившая очередной фонарь, украдкой глянула на него.

Ли Мэн сидел с отсутствующим видом. Облачённый в старый чёрный халат своего наставника, он, сам того не замечая, держался с изяществом благородного господина — привычки, впитанные с малых лет, нет-нет да и проступали в его повадках.

— Маленький молодой господин, — нежно окликнул его девичий голос.

Ли Мэн вздрогнул, выныривая из своих дум. Перед ним стояла девочка лет тринадцати-четырнадцати. Яркая красная кофта удивительно шла к её миловидному круглому лицу.

Ли Мэн поспешно замахал палочками для еды:

— Да какой я господин!

— А правда, что вы ученик маркиза Линъяна?

С того места, где он сидел, был виден лишь её профиль. Щеки девчушки трогательно порозовели.

— Нет, мой учитель другой человек, — смутившись, пробормотал Ли Мэн и немного отодвинулся.

Девочка отряхнула свои зелёные штаны и приветливо улыбнулась:

— Меня зовут Тао-эр. Всеми слугами в этом дворе заправляет моя тётушка. Если что понадобится или уберут плохо — сразу говори мне. — Она указала рукой в сторону восточного крыла, где виднелись низкие двери. — Там живут слуги, а моя комнатка — с самого края, на западе.

Она уже собиралась уходить, когда Ли Мэн, помешкав, тихо произнёс:

— Мы уезжаем второго числа.

Тао-эр обернулась, удивлённо распахнув глаза:

— Как так? Даже Новый год до конца не отпразднуете?

— Угу, — кивнул Ли Мэн. — Дела дома спешные.

— А вы из самого Чжунъяня приехали? — в её голосе зазвучала мечтательная зависть.

— Нет, мы из Линьчжоу, — поправил парень.

— Из Линьчжоу... — Тао-эр задумчиво протянула это слово, в котором смешались и лёгкое разочарование, и восхищение. — Всё равно лучше, чем здесь. Почти под самым крылом у Сына Неба. — Девочка печально вздохнула: — А в нашей глуши императора за всю жизнь не увидишь. Говорят, Его Величество как-то останавливался в загородном дворце в Фэнъяне, да только я тогда совсем крохой была.

— Да ты и сейчас не велика, — не удержался Ли Мэн. Любое упоминание об императорском роде вызывало у него глухую боль в груди, но не стоило вымещать злобу на невинной девчушке.

Тао-эр насупилась и сердито притопнула ножкой:

— Я вырасту!

Её личико покраснелось ещё сильнее — только что нежный яблоневый цвет, а теперь пунцовый цветок зимней сливы. Ли Мэну ничего не оставалось, кроме как поспешно закивать в знак согласия.

Вдруг до его носа донёсся сладкий, едва уловимый девичий аромат. Тао-эр внезапно подалась вперёд, её лицо оказалось совсем близко. Ли Мэн растерялся, сердце его испуганно забилося.

От неожиданности рука дрогнула, и горячая каша выплеснулась прямо на подол халата.

Ли Мэн вскочил, лихорадочно стряхивая липкую жижу. К счастью, халат был тёмным, и пятна пока не бросались в глаза, но когда они высохнут, ткань неизбежно пойдёт белёсыми разводами.

— Ой, да посиди ты спокойно! — Тао-эр бесцеремонно схватила его за руку.

Ли Мэна точно током ударило. Он растерялся, забормотал:

— Да ладно, не надо...

Но под строгим девичьим взглядом ему пришлось сесть обратно. Достав чистый платочек, Тао-эр опустила перед ним на корточки и принялась усердно стирать пятна от каши с подола.

Её чёрные пряди шевелились у самой его коленки, приоткрывая белизну девичьей шеи. Ли Мэн отвернулся в сторону, чувствуя себя ужасно неловко, и от смущения принялся ковырять шов на штанине.

— Вот и всё, — наконец выдохнула она.

Её слова прозвучали для парня как небесное избавление.

Однако Тао-эр не спешила подниматься. Она задумчиво разглядывала его лицо, а потом вдруг запустила руку за пазуху и вытянула оттуда красную нить, на которой висел простенький нефритовый амулет в виде Будды. Ли Мэн кое-что смыслил в дорогих вещах: у любого уличного торговца в Чжунъане такой безделушке красная цена — пара ланей серебра.

Девочка сделала знак, чтобы он раскрыл ладонь.

Не понимая, что происходит, Ли Мэн нерешительно протянул руку. Тёплый, согретый её телом нефрит лёг ему на ладонь. Осознав, что она дарит ему свой талисман, парень хотел было отказаться, но Тао-эр бережно сжала его пальцы, заставляя удержать подарок.

Она легонько похлопала его по руке и воровато огляделась по сторонам — никто из слуг на них не смотрел.

— Меня подкинули маленькой, и тётушка мне не родная, — тихо заговорила она. — Но на этом Будде вырезаны день моего рождения и место, где меня нашли. Там написано «Чжунъань». Раз уж мы повстречались, это ведь судьба? Если когда-нибудь я смогу уехать отсюда и доберусь до столицы, там у меня совсем никого не будет... Можно мне будет найти тебя?

В её глазах светилась такая робкая надежда, что в груди Ли Мэна мгновенно проснулась мальчишеская гордость. Он с самым важным видом закивал:

— Приходи прямо в поместье маркграфа Цзинъяна. Если меня самого там не окажется, мой шишу обязательно передаст мне весточку.

Тао-эр счастливо улыбнулась, её глаза заблестели, точно звёзды.

Тут кругленькая, как бочонок, экономка зычно позвала девочку за работу. Ли Мэн проводил её взглядом. Он долго крутил в руках нефритового Будду, не зная, куда его пристроить. Повесить на шею показалось неловко — всё-таки вещь с девичьего плеча, так что он бережно спрятал амулет в мешочек на поясе. Ополоснув пиалу, он направился обратно во двор.

У самого входа он столкнулся с возвращавшимся Хо Ляньюнем. Завидев ученика, тот поспешно завёл правую руку за спину и приветливо улыбнулся.

Ли Мэн спросил, где его наставник.

— Твой учитель тоже ушёл? — удивился Хо Ляньюнь.

— Да, с самого утра его нет.

Хо Ляньюнь призадумался:

— Может, пошёл на рынок за новогодними сладостями и семечками?

— Да мы ещё вчера всё купили... — Ли Мэн осёкся. — Наверное, пошёл за новой одеждой. Я поищу его.

Хо Ляньюнь заметно повеселел и взмахнул левой рукой:

— Давай. Заодно прихвати шутих и бенгальских огней, устроим вечером праздник. И если твой наставник позабыл про вино Тусу, купи кувшинчик.

Ли Мэн послушно закивал. Он заглянул в комнату Чжао Лои в поисках денег, но ничего не нашёл. Тогда он просто привязал к поясу Меч Безрассудства и постучал в комнату Хо Ляньюня.

— Кто там? — голос шишу прозвучал натянутой струной.

— Второй шишу, у меня денег нет! — смущённо крикнул Ли Мэн. Он огляделся: слуги,

развешивавшие фонари, уже ушли в другие части управы, двор опустел.

Спустя мгновение дверь приоткрылась, и на пороге появился улыбающийся Хо Ляньюнь.

Ли Мэн принял из его рук серебряный слиток в пять ланей и вдруг повёл носом. Хо Ляньюнь небрежно махнул рукой в сторону ворот:

— Иди скорее, возвращайся засветло. Вечером налью тебе чарку праздничного вина, попробуешь на вкус.

Ли Мэн, как и все подростки, был любопытен. Настоящего вина Тусу он ещё ни разу не пил, а потому у него радостно загорелись глаза.

Но едва выйдя за ворота управы, он внезапно вспомнил: когда Хо Ляньюнь приоткрыл дверь, наружу вырвался густой запах лечебного притирания. Резкий, бьющий в нос аромат лекарственных трав едва ли мог заглушить другое — едва уловимый, но отчётливый металлический душок свежей крови.

Ли Мэн замер как вкопанный.

Празднование кануна Нового года в Великой Цинь обычно начиналось ближе к вечеру. Во дворах грохотали петарды, небо расцветало огнями, а за праздничным столом засиживались до самого рассвета, ведя неспешные беседы и щёлкая семечки под весёлый смех.

Улицы бурлили. Покупатели сновали взад-вперёд с узлами и свёртками, торговцы зычно зазывали прохожих, пожилые матушки шумно торговались из-за мелочей. В этой суматохе Ли Мэн окончательно растерялся.

Ли Мэн лихорадочно соображал:

"Второй шишу ранен? Неужели нас выследили прямо здесь, в Цияне?"

Но в управе было тихо. Хо Ляньюнь ушёл спозаранку. Будь схватка в стенах управы, шум точно кто-нибудь услышал бы. Вторым шишу — один из четырёх великих наёмников Башни Десяти Направлений. Кто во всей Поднебесной способен одолеть Хуньдуня?

"И учитель пропал... Если те люди смогли ранить шишу, то наставник тоже..."

В голове у Ли Мэна зашумело. Охваченный паникой, он бросился в гущу толпы. Он шёл вперёд, высматривая знакомую фигуру, прибавляя шаг с каждой минутой. Несмотря на зимний холод, по спине его тек горячий пот.

Он кружил по улицам битых полдня, но Чжао Лои словно сквозь землю провалился. Изнывая от жажды, Ли Мэн подошёл к лотку торговца чаем и, попросив пиалу горячего отвара, решил перевести дух прямо у входа, не прерывая поисков.

Подув на кипяток, парень продолжал бдительно осматривать улицу. Наставник у него был совершенно невыносимый — вечно сбегал на рассвете невесть куда. В голове Ли Мэна невольно всплыл нежный образ Цинь Чжэньчжэнь, который тут же сменился картиной весёлого борделя. Чжао Лои с виду казался самым заурядным бродячим воином — угрюмым, опасным и беспросветно бедным. Но Ли Мэн точно знал, что в его потрёпанном кошеле всегда припрятано несколько крупных векселей.

Ли Мэн сердито подумал:

"Этот старый чёрт точно ушёл кутить в весёлые кварталы, пока я спал. Иначе зачем бы ему забирать свой денежный мешок?"

Не успел он сделать и глотка, как мимо чайной чинно прошествовала дюжина людей в диковинных одеждах. В ту же секунду доносившееся из глубины заведения заунывное пение оборвалось. Немногочисленных посетителей, кортавших праздничный день за чаем, бесцеремонно выставили на улицу.

— Господа хорошие, вы чего творите? Мы люди тихие, закон не нарушаем... Прошу вас, не бейте посуду! — Хозяин лавки расплылся в подобострастной улыбке, пока его подручные безуспешно пытались совладать с незваными гостями. Одного из зазывал уже отправили в полёт точным ударом кулака.

Пришельцы, чьи бёдра были обёрнуты грубыми звериными шкурами, словно и не слышали мольбы. Переглянувшись и перекинувшись парой гортанных фраз, один из них шагнул к дрожащему хозяину и глухо, коверкая слова, спросил:

— Человек... в чёрном халате. Спина кривая, рана на пояснице. Заходил?

Остальные дикари принялись шарить глазами по толпе. Ли Мэн, как назло, тоже был во всём чёрном, а потому рефлекторно вытянулся в струнку, силясь казаться как можно прямее.

Главарь чужеземцев заметил его движение и, нахмурившись, медленно повернул голову в его сторону.

В панике Ли Мэн неловко дёрнулся, опрокинув пиалу с недопитым чаем, и снова облил подол.

«Да чтоб тебя...» — мысленно выругался парень, решив больше не обращать внимания на многострадальный халат. Он замер, натянутый как тетива. У всех пришельцев при себе было оружие. Начни он сейчас убегать — из него мигом сделают решето. В конце концов, за ним

никакой вины нет, да и раны на пояснице у него отродясь не бывало.

— Ты... кто такой? — хрипло спросил чужезанин.

На его смуглой щеке красовалась татуировка в виде змеи, чья пасть упиралась прямо в мочку уха. Лицом он совсем не походил на жителя империи Цинь.

— Ли Мэн, — выдохнул юноша.

— Видел того... про кого я спрашивал?

— Не видел, — чистосердечно соврал Ли Мэн. — Но раз он ранен, вам бы лучше по лекарям пройтись, поспрашивать.

Иноземец счёл ответ забавным. Этот мальчишка, похоже, совсем не испытывал перед ним трепета, хотя его бегающие глаза выдавали непреодолимое желание дать дёру.

— Он не пойдёт... к лекарю.

— С чего бы это? Разве раненные не ищут помощи у врачей? — Ли Мэн с напускной серьёзностью пустился в рассуждения.

Глаза мужчины отливали янтарём. Он бесцеремонно опустил тяжёлую ладонь на плечо Ли Мэна и оскалился в дружелюбной улыбке, сверкнув белыми зубами на фоне тёмной, почти чёрной кожи.

— Я говорю... не пойдёт.

В следующую секунду дикарь мёртвой хваткой вцепился в его воротник. Но едва враг попытался рвануть парня на себя, Ли Мэн мгновенно пустил в ход внутреннюю энергию. Ловко извернувшись, он скользнул вверх, со всей силы оттолкнулся ногой от груди чужака и взлетел на черепичную крышу стоявшего напротив трактира.

Раздался яростный гортанный крик, и Ли Мэн с ужасом понял, что чужеземцы ринулись за ним. Не раздумывая, он припустил по конькам крыш, с грохотом выбивая из-под ног старую черепицу. Юноша надеялся уйти верхом, но преследователи, к его удивлению, тоже отменно владели техникой лёгкости, и легко взмывали следом.

Завидев внизу просторный двор, где толпился народ, Ли Мэн рыбкой прыгнул вниз и забился в узкую щель между двумя глиняными стенами. Благодаря худощавому телосложению он легко протиснулся внутрь. Он не успел разглядеть обитательниц этого места, но вокруг звенел нежный женский смех и слышался вкрадчивый шёпот, ласкающий слух.

Пробираясь задворками и постоянно оглядываясь, он наугад распахнул первую попавшуюся дверь и ворвался внутрь.

Раздался свист — мимо ушей просвистело несколько смертоносных стальных звёздочек. Ли Мэн кубарем покатился по полу и забился под массивный стол. Тяжело дыша, он уставился на вонзившиеся в косяк двери дротики. В этот миг он в полной мере осознал, насколько опасен и непредсказуем мир боевых искусств.

Дверь за ним с глухим стуком захлопнулась.

Только парень собрался выползти из своего укрытия, как к его горлу прижалось что-то ледяное. «Пропал!» — похолодел он.

Убежал от волков, да нарвался на тигра. Перед глазами колыхался подол нарядного зелёного платья — должно быть, перед ним стояла девица. Памятуя о ярких нарядах женщин во дворе, Ли Мэн быстро сообразил, что по ошибке забрел в весёлый дом.

— Сестрица, пощади! — взмолился он, не смея поднять головы. — Я просто искал человека, забрёл случайно! Смилуйся, не губи!

— Искал? И кого же ты здесь высматриваешь? — в женском голосе зазвучала лукавая усмешка, но Ли Мэн не спешил расслабляться.

— Наставника своего ищу...

— Вот как? И как же зовут твоего почтенного наставника?

— Он... его... — Ли Мэн лихорадочно соображал, стоит ли называть настоящее имя, как вдруг незнакомка спросила:

— Не Чжао ли его фамилия?

Прежде чем он успел ответить, кто-то бесцеремонно ухватил его за шиворот и вытащил из-под стола. Парень растерянно хлопал глазами.

— Надо же, средь бела дня ломиться в публичный дом. Вы с учителем стоите друг друга, — лениво протянула девица.

— Мели емеля, твоя неделя, — раздался из глубины комнаты ворчливый голос.

Услышав Чжао Лои, Ли Мэн едва не подпрыгнул от радости. Извернувшись, он вырвался из рук

девицы в зелёном и бросился за ширму.

Но стоило ему заглянуть в спальню, как крик застрял у него в горле. Чжао Лои восседал на расписном ложе куртизанки с голым торсом и растрёпанными волосами. Его тёмное боевое одеяние было небрежно повязано вокруг пояса, а на коже красовалось множество подозрительных отметин.

Ли Мэн от смущения залился густой краской и в ужасе закрыл лицо ладонями:

— Наставник! Вы... вы и вправду средь бела дня в бордель завалились?!

<http://bllate.org/book/18266/1759209>